

— Андрей Андреевич, вы ведь не впервые в Вильнюсе!

— Мой первый приезд в ваш город был счастливым. Тогда готовилась к печати моя книга «Треугольная груша», и я приехал к Эдуардасу Межелайтису, чтобы показать ее. Это был 1962 год. Накануне Межелайтис был удостоен Ленинской премии. Робей, я встретился с ним, и первое, что он спросил у меня: «Где рукопись?». Я ответил, что она у меня с собой. Тогда он пригласил меня сначала пообедать в кафе «Неринга». С выходом «Треугольной груши» были осложнения, и разговор, конечно, касался их. Перед уходом он снова спросил: «Где рукопись?». Взял, развернул и на первой странице надписал: «В печать». Если вы сейчас спросите меня о том, кто же был самым лучшим редактором моих книг, я отвечу — Эдуардас Межелайтис. Это был акт доверия старшего поэта своему начинающему коллеге.

Потом был еще один приезд, в памяти от которого остались встречи с прелестным художником Стасисом Красаускасом, великолепным архитектурным силуэтом Вильнюса — ведь я окончил факультет архитектуры.

— Ваш приезд — это премьера книги «Ров», недавно вышедшей в издательстве «Советский писатель». Но ей сопутствовала еще одна маленькая книжечка под названием «10, 9, 8, 7...».

— В нее вошли статьи, напечатанные в журнале «Огонек». В последние год — два я написал то, о чем давно хотелось написать. Сегодня наследие русской словесности обрело Б. Пастернака и В. Ходасевича. Мы получили возможность воздать должное М. Шагала и В. Набокову. Поэтому сейчас, может быть, интереснее заниматься поэзией в жизни, чем рифмовать. Для меня впервые прислонившийся к сосне в Перелеткино венюк с надписью заплаканной позолотой на красной ленте: «Б. Л. Пастернаку от Союза писателей» или выставка Шагала не менее значат, чем настоящая написанная поэма. Такие события приравниваются к поэтическому шагу. Они важны для поэзии, для ее внутреннего строя так же, как сами стихи. В этой книжке отразились литературные и художественные поступки того процесса, который мы переживаем.

Эта книжечка — часть книги, которую мы представляем

здесь в Вильнюсе. В ней — проза и стихи, написанные в последнее время, а также то, что было написано раньше, но печатается только сейчас. Много стихов, которые еще не попадали в печать.

Книга получила название «Ров» по поэме, повествующей о злодействе, совершенном в Крыму горсткой нелюдей, разрывших захоронение 12 тысяч расстрелянных жертв гитлеровского геноцида, чтобы, разбив черепа, добывать золотые коронки. Повествует книга и о многих других

речения писателей показала неожиданную качественную сторону. Четыре миллиона людей подписались на произведения М. Булгакова, два миллиона — на А. Платонова, миллион двести тысяч — на «Дети Арбата» А. Рыбакова. Ведь у Булгакова и Платонова — сложная проза. У нас очень интересная страна! Кажется, гоняются за модой, за шмотками. Но какая мода может быть на Платонова и Булгакова? А попробуйте купить новые номера толстых журналов в киосках, они раскупают-

Межировым и Давидом Самойловым о том, как составить рукопись, как отобрать стихи. Тогда знали его как актера, ходили посмотреть на него в Театр на Таганке. Его официальные концертные выступления были невозможны. Он хотел чувствовать себя поэтом, но даже друзья считали его бардом тогда. Нескольким раз он советовался и с Виктором Фогельсоном, который редактирует поэтические книжки. Вот эту рукопись, отпечатанные на машинке стихи (а печатал, вероятно, он сам,

ный смертник комар, расплюснутый на ветровом стекле несущегося автомобиля, напоминает картину Дали. Издать книгу помешала тогда непробиваемая стена мнения главной дирекции издательства.

Был еще один прецедент. В Театре на Таганке в 1972 году готовился спектакль по моим стихам «Берегите ваши лица». Это был самый красивый спектакль театра. У Володи была сквозная роль, и он попросил вставить в спектакль свой главный шлягер «Охота на волков» и песню «Ноты». Через два месяца по специальному решению Московского горкома спектакль сняли с репертуара. Причина — несколько пунктов, которые можно было бы уладить, если бы не один из них: убрать «Охоту на волков». Чтобы не «продать», не предать, решено было отказаться от спектакля совсем.

— Вместе с вами приехали и выступают еще трое молодых поэтов. Что бы вы могли о них сказать?

— Это поэты молодого, нового поколения. Нина Искренко — инженер. Ее стихи без рифм. В ее поэзии, вероятно, можно услышать то, что теперь мы называем рок-культурой. Она — организатор молодежного клуба, в котором сливаются увлечения поэзией, современной музыкой и живописью. Владимир Еременко, вероятно, самый везучий из троих: у него скоро выходит сборник стихов. А с Юрием Арбатовым вы, должно быть, знакомы: он автор сценария фильма А. Сокурова «Скорбное бесчувствие». Интерес к поэзии молодых сейчас возрос в нашей стране. Та же тенденция ощутима и за рубежом, где с интересом следят за художественными новациями, проявляющимися в нашем искусстве. Так, сейчас я еду в Мюнхен, где Баварская академия искусств проводит Дни советского театра. Вокруг Театра на досках, вокруг спектакля «Собачье сердце» — настоящий бум. В рамках этих дней будут и вечера поэзии.

— Андрей Андреевич, я знаю, что вы почетный член Баварской академии искусств, Нью-Йоркской академии литературы и искусств, Французской академии поэтов им. Малларме. В последнем номере «Литературной газеты» есть сообщение о том, что Гонкуровская академия избрала вас своим иностранным членом. Поздравляю!

ВСТРЕЧА С ИНТЕРЕСНЫМ ЧЕЛОВЕКОМ

ПОЭЗИЯ. ДУХОВНОСТЬ. ЖИЗНЬ

Лауреат Государственной премии поэт Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ недавно побывал в Вильнюсе. С ним встретилась журналист Татьяна Михнева.

страшных вещах, о духовной нищете.

В эти дни в бывшей студии М. Розовского ставят «Ров». Через весь спектакль проходит рефрен: «Ты куда ведешь, ров? И откуда ты идешь?». В поэме этого нет, но эти слова как бы нагнетают ужас перед нравственным уродством.

Сегодняшнее содержание нашей жизни драматично. Идет трудный новый революционный процесс. Идет борьба с еще очень сильным реакционным инертным слоем. И если этот процесс считать революцией, то ее особенность в том, что она делается Культурой, чего еще никогда не было в истории человечества.

Время сейчас дарит нам писателей и художников, чье творчество должно сопутствовать духовному ренессансу. Должны быть созданы заново и новые экономические отношения. Это процесс длительный, трудный. И, возможно, путь к их рождению должен лежать через самые неожиданные художественные идеи.

Нынешняя подписка на тво-

ся мгновенно. Этим народ как бы голосует за революцию Культурой. Цель ее — не догматические набившие оскомину формулы и лозунги, а человек, личность, общественные ценности.

— В вашей книге «Ров» немало страниц посвящено В. Высоцкому. В только что закончившемся показе фильма Э. Рязанова о нем вы говорили о том, что еще в середине семидесятых приносили в издательство «Советский писатель» рукопись Высоцкого, которую тогда так никто и не принял. Но вот недавно в передаче «Перестройка и литература» был задан вопрос о том, почему же никто не принял тогда эту рукопись. Поэт Егор Исаев, который в те годы заведовал в издательстве поэзией, подтвердил разговор с вами на тему о возможной книге Высоцкого, но не существование рукописи.

— В середине семидесятых Высоцкий действительно делал попытки опубликовать свои стихи. Советовался не только со мной, но и с Александром

так как строчки в ней были неровные, скакали), эту пачку с его стихами я показал Фогельсону, а затем Егору Исаеву. Помню, что Исаев был за то, чтобы издать книгу. Для того времени он был человеком не узкий. Понимал ли он хорошо, что за явление Высоцкий, не знаю. Но уже тогда мне было понятно, что рукопись надо «пробивать». Был разговор о ней и с возглавлявшим тогда издательство Лисичевским, человеком тридцатых годов. Можно сказать, что в том разговоре он высмеял меня: как можно печатать книгу, автор которой не может опубликовать ни строчки.

Кроме этой рукописи была еще пачка стихов, над которой мы колдовали вместе с Фогельсоном. Однажды — и единственный раз в жизни — я был членом редколлегии ежегодника «День поэзии». В этот год мне не удалось напечатать его стихи, но через год в «Дне поэзии 1975» было опубликовано одно его стихотворение с хорошо запомнившейся метафорой: веч-